

ПОРХАЮЩИЙ ЦИРЮЛЬНИК И ЛЕЖАЧАЯ САЛОМЕЯ

Независимая газ. — 1994. — 23 июня. — С. 7.

Bel canto

Владимир Чернов: Фигаро — там.

«Рядовой спектакль». В это выражение в Москве вложен один смысл — рутина. В этом выражении в Вене — смыслов аж два: все та же рутина и спектакли, неожиданно приносящие радость. Можно здесь встретить немало и русских певцов: совсем недавно сцену Штатсопер пытался освоить Дмитрий Хворостовский, участвовавший в новой постановке беллиниевских «Пуритан». Меткое выражение «клецки в горле», употребленное одним из местных критиков по поводу этого дебюта, было подхвачено венцами, и всякий, кто рассказывал мне про этот спектакль, употреблял его по нескольку раз. (Венские клецки из теста, шпига, ветчины или печенки вкусны, но для пения никак не приспособлены.) За ту неделю, которую я провел в австрийской столице, в Штатсопер можно было услышать Нину Терентьеву в «Аиде», а Викторию Лукьянец и Елену Зарембу в необычном амплуа вagnerовских певид в «Золоте Рейна» (партии Воглинды и Эрды).

А вот еще одна родная фамилия: после триумфальных успехов в «Метрополитен-опера» Владимир Чернов поет в «Севильском цирюльнике» Россини. Весьма скромный спектакль тридцатилетней давности содержится в идеальном порядке. Правда, все еще зависит от дирижера: юный Ян Ладам-Кёниг усыпит даже самого заядлого поклонника музыки Россини, да и о певцах не особенно заботится. «Рядовой спектакль» преобразается и становится праздником лишь в тот момент, когда начинают звучать почти сорок тактов оркестрового вступления к знаменитой каватине «Largo...» и из-за сцены раздается голос Чернова. Фигаро выпархивает на сцену, и начинаются чудеса!

За последние четыре года, которые понадобились Чернову для покорения крупнейших оперных центров мира, голос его стал «крупнее», тембр уплотнился и стал более драматическим, да и мощи в голосе, на отсутствие которой баритон никогда не жаловался, поприбавилось. Удивляло только одно: как Владимир Чернов, с блеском исполнивший за последнее время драматические партии в вердиевских операх и записавший их на диски под руководством Джеймса Ливайна, собирается таким «крупным» голосом петь Фигаро? Но всякие сомнения рассеялись после первых тактов каватины. Легкость, полетность голоса, без видимых усилий заполняющего огромный зал Оперы, позволяли певцу представить партию Фигаро с неподдельным блеском. Подвижность и мастерское владение голосом, филигранность нюансировки, чувство стиля и понимание особенностей исполнения комических опер Россини помогали Чернову преодолевать все трудности «Largo...», основанной на шести темпах, ритмический и тембровой напор оркестровой партии, написанные «маэстро громухателем» Россини и исполненные не самым блестящим составом оркестра Венской филармонии под руководством «маэстро громухатца».

Магическая отделка знаменитых дуэтов с Альмавивой и Розиной, ансамблевое мастерство сменяются целой россыпью драгоценных речитативов, в которых заложено так много нюансов сюжета. Все это благодаря изяществу вокализации, идеальной дикции, огромной работе: ведь в опере-буффа практически невозможно затушевать недостатки вокала и актерского исполнения, а посему она требует гораздо больших сил, чем самая высокая трагедия.

Что до актерского воплощения, то Чернов просто летает, порхает по сцене, купается в собственном вокале, поражая зрительный зал и бесконечными возможностями богатой мимики, и отсутствием даже капли заученности: за каждым жестом мастерство и очаровательная сиюминутность озарения. Молодой задор его персонажа, без которого эта роль просто невылима, сочетается с продуманной концепцией роли (что делать, в таких спектаклях певцам приходится многое делать самостоятельно). Фигаро в исполнении Чернова дерзок, позволяет себе много вольностей, но делает это изящно и незаметно, он слуга по социальному статусу и господин по качествам ума. Наслаждением, которое испытывает сам Чернов, исполняя партию Фигаро, невозможно не заразиться, и зал заливают волна счастья и бурлящего восторга.

Венцы сходили с ума от Чернова и два года назад, когда он пел здесь Фигаро сразу в двух постановках, и во время выступлений в «Пиковой даме», «Фальстафе», «Трубадуре». Венцы вообще любят создавать себе кумиров и зачастую не знают в этом меры. В «Рядовом спектакле» по опере Рихарда Штрауса Саломея — тальнка Мара Дзампери. Роскошные формы примадонны, вступающей в этой сфере в соперничество с самой Кабалье, как-то не вяжутся с представлением о юной иудейской царевне. К тому же Дзампери так и норовила присесть, а то и прилечь. Я закрывал глаза, мечтая в великолепно поставленном и скучном голосе певицы услышать хоть каплю чувственности. Но тщетно. Публика бесновалась от восторга, а я завидовал им, если признаться честно. У них есть из чего выбирать, и можно спорить из-за кумиров или обожать всех сразу. А в Москве «рядовой спектакль» значит одно — рутина.

Чернов Владимир

23.06.94